

Gennadij Nikołajew

Карл Апфель и Казанская лингвистическая школа

Acta Polono-Ruthenica 5, 297-304

2000

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Gennadij Nikołajew
Katedra Językoznawstwa Historycznego
Kazański Państwowy Uniwersytet

Карл Аппель и Казанская лингвистическая школа

Во многих работах, посвященных Казанской лингвистической школе и ее основателю И. А. Бодуэну де Куртенэ, упоминается варшавский языковед К. Аппель, научные воззрения которого были близки идеям Бодуэна и его казанских учеников и последователей.¹ Занимаясь историей Казанской лингвистической школы (КЛШ) и ее связями с европейской наукой, нельзя оставить в стороне деятельность варшавского лингвиста, так тесно связанного со школой Бодуэна де Куртенэ. А. А. Леонтьев в предисловии к книге Ф. М. Березина *Очерки по истории языкознания в России (конец XIX – начало XX в.)* прямо заявляет, что к бодуэновской школе, „без сомненья, принадлежал Аппель, хотя историки языкознания говорят об этом как-то неохотно”.² В этом предисловии, как и в самой книге Березина, дана наиболее полная на сегодняшний день оценка в российской науке научной деятельности Аппеля. К сожалению, я не имею сведений о том, изучали ли данное наследие польские ученые.

Из уникального труда С. А. Венгерова *Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней)*³ мы узнаем, что Карл Юлианович Аппель был сыном польского эмигранта, родился 6 декабря 1857 года в Париже; воспитывался в Польше, среднее образование полу-

¹ См.: Я. П. Лоя, *История лингвистических учений. (Материалы к курсу лекций)*, Москва 1968, с. 237, [в:] Ф. М. Березин, *Очерки по истории языкознания в России (конец XIX – начало XX в.)*, Москва 1968, с. 157-159 и др.

² А. А. Леонтьев, *Предисловие к книге Ф. М. Березина, Очерки по истории языкознания в России*, с. 13, 19, 21.

³ См.: С. А. Венгеров, *Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (от начала русской образованности до наших дней)*, Санкт-Петербург 1886, вып. 1, с. 976-977.

чил в петровской гимназии. С 1877 по 1880 год был частным учителем, в 1880 году назначен преподавателем французского языка варшавской пятой мужской гимназии. По словам самого Аппеля, он был „совершенный самоучка в области языковедения”.⁴ Свою научную деятельность он начал в 1879 году как сотрудник начавшего издаваться в Варшаве под редакцией М. А. Колосова „Русского филологического вестника”.

На страницах этого издания появились основные научные работы Аппеля: *О говорах польского языка* (1879), *Заметки о древнепольском языке* (1880), *К народному словопроизводству* (1880), *Несколько слов о новейшем психологическом направлении языкознания* (1882), *Некоторые общие вопросы языкознания* (1886) и др.

Аппель был хорошо знаком с европейской научной литературой по языкознанию, о чем свидетельствуют многие его рецензии на эти работы. Он великолепно знал труды Бодуэна де Куртенэ и казанских лингвистов (в частности, Н. Крушевского), которые высоко ценил и часто ссылался на них в своих статьях. Так, давая обзор литературы по древнепольскому языку, он замечает, что первое место среди научных работ по этой проблеме „безусловно принадлежит сочинению г. Бодуэна де Куртенэ *О древне-польском языке до XIV столетия...* [которое] пользуется... громкой известностью” и что он „слишком многим обязан этой книге, чтобы быть в состоянии отнестись к ней вполне объективно”.⁵ Не менее обязан он, по его словам, и другой работе Бодуэна де Куртенэ – *Einige Fälle der Wirkung der Analogie in der polnischen Deklination* (1870), которую он квалифицирует как „первую по времени монографию об аналогии, (автора которой)... »немецкие« ученые и умалчивают как своего »славянского« предшественника”.⁶

Из этих „признаний” Аппеля становится ясным, кого он считал своим учителем в области языкознания.

В свою очередь, Аппель был хорошо известен русским ученым, которые нередко выступали со своими рецензиями на его работы. Первым среди них нужно назвать И. А. Бодуэна де Куртенэ, раньше

⁴ См.: С. М. Венгеров, *op. cit.*, с. 976.

⁵ К. Аппель, *Заметки о древне-польском языке*, „Русский филологический вестник” (РФВ), Варшава, т. 4, № 3, с. 4.

⁶ К. Аппель, *Некоторые общие вопросы языкознания*, РФВ, 1886, т. 16, с. 355-356.

других откликнувшегося на научные занятия Аппеля. В 1880 году в „Филологических записках” появляется рецензия Бодуэна на две статьи Аппеля (*Заметки о древне-польском языке и К славянскому народному словопроизводству*), в которой он пишет, что автор этих статей „весьма удачно начал свою литературную деятельность в области языкознания. Не часто можно встретить такое верное и меткое понимание явлений языка и такое строго научное к ним отношение... Г. Аппель очень искусно сопоставляет разбираемые факты, формулировка же обобщений и выводов у него вполне научная, иногда почти образцовая”.⁷

Особенно понравилось Бодуэну объяснение Аппелем причин распространения в польском языке флексии *-и* в родит. падеже един. числа неодушевленных имен существительных и сохранение окончания *-а* в одушевленных. Главную роль здесь играл количественный фактор: форм на *-а* оказалось в языке в два раза больше именно у одушевленных имен, так как эту флексию имели два падежа – родительный и винительный.⁸

Однако Бодуэн де Куртенэ был далек от того, чтобы захваливать рецензируемые работы. Верный себе, он как автор одной из лучших работ по истории польского языка сделал ряд критических замечаний, увидев основной недостаток рассуждений Аппеля в том, что „собранный материал не совсем вяжется с теми общими вопросами, которых автор касается, или по крайней мере не предоставляет достаточных данных для их удовлетворительного решения”.⁹

Что касается работы о „народном словопроизводстве”, то Бодуэн включал Аппеля в число ученых, внесших несомненный вклад в разработку этого вопроса.¹⁰ В знаменитых *Лингвистических заметках и афоризмах* Бодуэн называет Аппеля выдающимся языковедом. Такую оценку в адрес коллег нечасто можно было услышать от основателя Казанской лингвистической школы.¹¹

⁷ И. А. Бодуэн де Куртенэ, *К. Аппель: Заметки о древне-польском языке...*, „Филологические записки”, Воронеж 1880, вып. 5, с. 3.

⁸ И. А. Бодуэн де Куртенэ, *op. cit.*, с. 23 и след.

⁹ И. А. Бодуэн де Куртенэ, *op. cit.*, с. 10.

¹⁰ См.: И. А. Бодуэн де Куртенэ, *Избранные труды по общему языкознанию*, Москва 1963, т. 1, с. 242.

¹¹ И. А. Бодуэн де Куртенэ, *Избранные труды*, т. 2, с. 50.

Кроме Бодуэна де Куртенэ, рецензии на работы Аппеля писали: Н. И. Кареева, А. И. Соболевский, В. Ягич и др. Так, издатель „Archiv für slavische Philologie” высоко оценил работу Аппеля *Несколько слов о новейшем психологическом направлении в языкознании*,¹² считая ее своевременным сочинением, знакомящим российских специалистов с новейшими течениями в европейской лингвистике, в котором автор не ограничивается чистым реферированием, а высказывает критические замечания и предлагает свои решения по затронутым проблемам.¹³

В круг научных интересов Аппеля входят как проблемы славистики (и прежде всего истории и диалектологии польского языка), так и общие теоретические проблемы современной ему европейской языковедческой науки. При этом он весьма точно разграничивал то, что принадлежит истории языка и что свойственно его современному состоянию, оставаясь, как и казанские ученые, последовательным историком-диалектиком в науке о языке. Его объяснения специфики славянских собственных имен типа Мстислава, Владимир и т.п., первая часть которых восходит к древним именам **i-основ** (*mьst-i-, *vold-i- и т.п.), а теперь соотносится с глагольными императивными формами, могли бы без изменений и поправок войти в современные исследования по историческому словообразованию.¹⁴ Перед нами блестящее практическое применение методики относительной хронологии, разработанной в работах А. А. Потебни, И. А. Бодуэна де Куртенэ и его казанских учеников.

Во многих решениях Аппеля виден историко-диалектический подход к языковым явлениям. Так, разделяя основные идеи психологического направления в языкознании, он считал основными языковыми процессами, в которых проявился психологический фактор, аналогию и дифференциацию (дифференцирование, как говорит Аппель), которые противоположны по своей сущности, но взаимосвязаны и взаимозависимы друг с другом, обуславливая развитие языка. Он писал, что „везде в языке »аналогия« и »дифференцирование« друг с другом скрещиваются, друг друга обуслов-

¹² РФВ, Варшава 1881, т. 6, с. 93-142.

¹³ См.: „Archiv für slavische Philologie”, 1882, Bd. 6, s. 154.

¹⁴ К. Аппель, Рец.: *Das Verbum in der nominalcomposition im deutschen, griechischen slavischen und romanischen von Prof. Dr. Herrman Osthof*, Jena 1878, РФВ 1881, т. 5, с. 221-227.

ливают; аналогия – это стремление к объединению явлений языка, их интеграция; дифференцирование – это стремление к переходу от однородности к разнородности, дезинтеграция. Взаимною борьбою этих сил... обусловлено развитие (evolutio) языка”¹⁵

Как истинный диалектик, Appель всегда учитывал разные возможности языкового развития. Так, оценивая существование двух взглядов на объект аналогии – слова, имеющие фонетическую тождественность форм, или слова, функционально тождественные, – он замечает: „На деле общим признаком (х) форм, подвергающихся аналогии, могут быть моменты того и другого порядка”¹⁶. Те же исследовательские качества он проявил при рассмотрении направления процессов аналогии (морфологической ассимиляции) и морфологической абсорпции в языке. По мнению (можно сказать, совершенно справедливому) Appеля, оба эти процесса могут иметь прогрессивное и регрессивное направление. „По-моему, – пишет он, – морфологическая абсорпция состоит в том, что звуки одной морфемы поглощаются, интегрируются другою, соседнею морфемою – предшествующею или последующею”¹⁷.

Морфологической абсорпции в языке противостоит морфологическая секрция, заключающаяся не в интеграции (поглощении), а дезинтеграции морфем, то есть выделении из одной относительно целостной морфемы другой, вторичной морфемы.

Как видим, Appель строит систему явлений и процессов в языке, причем строит ее на своего рода „оппозициях”, противоположностях, что делает эту систему более надежной, прочной. Важно при этом отметить, что членами этих „оппозиций” являются не статические единицы, а живые процессы языка, что лишней раз выдает Appеля не как метафизика, а как ученого-диалектика, каким, собственно, был и сам Бодуэн де Куртенэ.

Взгляды Appеля на специфику языкового развития во многих идентичны представлениям казанских лингвистов. Он считает, что „если в языке со временем происходят значительные перемены в произношении, не будучи замечены никем из говорящих, то потому только, что они совершаются медленно, но бесконечно малым толчком и что каждое, ничтожнейшее даже уклонение произноше-

¹⁵ РФВ, 1880, т. 4, с. 35.

¹⁶ РФВ, 1881, т. 6, с. 100.

¹⁷ Ibidem, с. 119.

ния от нормы сопровождается собственной, но незаметной для нас переменою и чувств движения и слухового ощущения”.¹⁸ В связи с этим вспоминается замечание Бодуэна де Куртенэ: бесконечно малое изменение, произведенное в один момент, повторившись бесконечное число раз, дает, наконец, известную заметную определенную перемену.

Небезынтересно, что как ученый, разделявший взгляды Казанской лингвистической школы, Аппель в своих работах устойчиво использует понятие морфемы, которую, как известно, открыл Бодуэн и описал впервые в 1879 г. В то же время такой видный представитель этой школы, как Крушевский вообще избегал этого термина. Но это не означает, что Бодуэн ввел понятие морфемы позднее, как считает Березин (работы Аппеля являются здесь красноречивым аргументом в пользу раннего открытия морфемы): просто Крушевский занимался, в отличие от Бодуэна де Куртенэ, проблемами не морфемики, а теории словообразования, где, как известно, основным понятием науки является не морфема, а производное слово, членимое на морфологические элементы.

К. Аппель был свидетелем восхождения в европейской языковедческой науке двух школ нового младограмматического направления – немецкой и славянской. Впервые в истории науки немецкая монополия в языкознании была нарушена славянскими учеными, входящими в такие лингвистические школы, как московская, варшавская, казанская, харьковская и др. Аппель высоко оценивал достижения немецких языковедов, в работах которых зародилось новое психологическое направление лингвистической науки. Но он всегда „восстанавливал справедливость” в научных приоритетах. Говоря о В. Шерере как основателе этого направления, Аппель добавляет: „Правда, в одно время с Шерером и совершенно независимо от него те же взгляды проводил и И. А. Бодуэн де Куртенэ, но его монография (*Einige Fälle der Wirkung der Analogie in der polischen Deklination* – Г. Н.), слишком специальная для обширного круга читателей, к сожалению, осталась без внимания и до сих пор еще не оценена по заслугам”.¹⁹

Рассматривая морфологическую абсорпцию (а одновременно

¹⁸ Ibidem, с. 105.

¹⁹ Ibidem, с. 96.

с ним ею занимались Н. Крушевский и В. Богородицкий, опубликовавшие свои работы в „Русском филологическом вестнике”), Аппель и здесь считает необходимым напомнить ученым, что „первый (сознательный) намек на нее находим у И. А. Бодуэна де Куртенэ [имеется в виду та же работа Бодуэна. – Г. Н.]; мысль казанского профессора самостоятельно развил впоследствии его слушатель г. Н. Крушевский; независимо от этих ученых, те же почти взгляды проводил в своих исследованиях проф. Остгоф в Германии и А. Дармстетер во Франции”. И добавляет, что его „личные воззрения на этот предмет уклоняются кое в чем от мнений известных исследователей”.²⁰ Действительно, в работах Аппеля мы находим новые идеи по этой проблеме, но они являются не „уклонением” от представлений ученых Казанской лингвистической школы, а параллельной и дальнейшей глубокой их разработкой в том же научной русле.

Известно, что ученых, входящих в одну научную школу, отличает общий взгляд на объект науки и одинаковые методы его исследования. По всем этим параметрам Аппель, безусловно, принадлежит к Казанской лингвистической школе, первой и самой известной школе Бодуэна де Куртенэ. Историки науки относят КЛШ к первой европейской школе социально-психологического взгляда на язык. Одним из первых такой взгляд стал проводить именно Аппель. Критикуя немецких младограмматиков за их трактовку безусловности звуковых законов в языке и отдавая предпочтение Крушевскому в решении этой проблемы, он пишет: „И в самом деле, если уж однообразие изменения звуков вытекает из самой природы языка, его сущности – как утверждают ново-грамматики, – то эти изменения должны быть одинаковы везде и всегда, наподобие законов явлений природы. Кстати прибавить, что Крушевский сравнивает »звуковые законы« не с законами физики, а законами биологии. Конечно, это ближе к истине, но чтобы найти ее, необходимо сделать еще одну уступку и признать их законами социологии (в самом обширном смысле этого слова), т.е. научными обобщениями такой области, в которой спорадические явления неизбежны, по самой сложности и неуволности условий их возникновения”.²¹

²⁰ Ibidem, с. 119.

²¹ РФВ, 1886, т. 16, с. 364.

К. Аппель одним из первых увидел недостатки нового младограмматического направления в науке о языке. Критике основных положений его он посвятил специальную статью *Некоторые общие вопросы языкознания* (1886), представляющую рецензию на монографии Г. Курциуса и Г. Шухардта. Эта полемика Аппеля с немецкими младограмматиками наглядно представлена в упоминавшейся выше книге Березина,²² поэтому я не буду останавливаться на ней, а приведу только одно высказывание польского ученого, в котором фактически сконцентрированы все справедливые претензии его к основным положениям младограмматической науки: „Таким образом, первое положение новограмматиков – учение о строго последовательных, не допускающих исключений звуковых законов – нуждается в существенном ограничении. Напротив того, взгляды новограмматиков на процесс аналогии и вообще на роль психических факторов в языке – слишком узки... Аналогия не только не находится в противоречии с звуковыми законами, но даже весьма часто действует заодно с ними... Аналогия – это объединяющее начало, которое водворяет в языке порядок, систему, одним словом, это интеграция явлений языка... Лучше всего назвать ее прямо по имени, т. е. Ассоциацией представлений слов или форм языка”.²³

В заключение можно отметить, что Карл Аппель предстает перед нами в своих работах действительно как очень талантливый ученый-языковед, последователь научных идей своего выдающегося соотечественника Бодуэна де Куртенэ. Активный период творчества Аппеля совпадает с казанским периодом деятельности Бодуэна. „Именно в этот период, – считает Вячеслав В. Иванов, – оригинальность и смелость творчества Бодуэна обнаруживается в предельной степени... Можно сказать без всякого преувеличения, что ни в одном лингвистическом сочинении, написанном в 70–80-х годах прошлого века, нельзя найти мыслей, настолько созвучных современной нам науке, как те, которые в изобилии рассыпаны в казанских работах Бодуэна де Куртенэ”.²⁴ Сказанное дает нам возможность представить ту научную ауру, в которой протекала творческая деятельность Аппеля, одного из польских последователей Бодуэна.

²² См.: Ф. М. Березин, *op. cit.*, с. 260-263.

²³ РФВ, 1886, т. 16, с. 364.

²⁴ Вяч. В. Иванов, *И. А. Бодуэн де Куртенэ и типология славянских языков*, [в:] *И. А. Бодуэн де Куртенэ. К 30-летию со дня смерти*, Москва 1960, с. 30.